

Андрей Мороз
(Москва)

«Еврейский текст» города Велижа

Летом 2013 г. в ходе полевых исследований на белорусско-русском пограничье экспедиция в составе О.В. Беловой, В.А. Комаровой, Н.С. Петровой, Н.В. Петрова и автора этих строк обследовала город Велиж Смоленской области и несколько окрестных деревень. Экспедиция не ставила специальной цели изучения «еврейского текста», однако ввиду того что до Второй мировой войны город был в значительной мере населен евреями, нам пришлось столкнуться со значительным количеством материала на еврейскую тему. Специфика нашей работы, не позволявшая углубляться в еврейскую проблематику, определила и характер этих текстов: мы имеем не результат длительного и глубокого исследования, а, напротив, лишь то, что лежит «на поверхности». Записать эти тексты было не просто легко, но вообще не требовало никаких усилий: практически всё, записанное нами о евреях, было рассказано самими информантами почти без специальных вопросов со стороны собирателей. Таким образом, мы можем охарактеризовать наши записи как своего рода «визитную карточку», сведения и мнения о евреях, которые транслируются часто и много, а не пребывают в пассиве где-то в дальних уголках памяти. Следовательно, именно эта информация наиболее актуальна для самих велижан.

Характеристику записанного материала имеет смысл начать с упоминания того, чего зафиксировать не удалось, но что было вполне ожидаемым. Наши информанты не распространялись на тему характерных признаков евреев, таких, как всегда сопутствующий им специфический запах или *пархатость*, особенностей прически, одежды, манеры поведения (см. Белова 2003: 170–173). Нам не удалось

записать ни одного упоминания о кровавом навете, несмотря на то что город печально прославился так называемым Велижским делом¹. Впрочем, память об этом событии поддерживается стендом в местном краеведческом музее. Однако в «живой» традиции ни собственно фольклорных сюжетов, ни даже рассуждений, инспирированных посещением музея, нам слышать не привелось. Среди тем, которые, как можно было предположить, должны быть актуальны для велижан, нам не встретилось никаких сюжетов и описаний, связанных с еврейскими праздниками². Соответственно, отсутствуют рассказы о шутках, которые устраивали неевреи во время еврейских ритуалов, чтобы испортить их и/или вызвать недовольство, страх, панику, наподобие распространенного запуска вороны в синагогу во время богослужения³. Не сохранилось и никаких воспоминаний о еврейских постройках.

Последнее обстоятельство связано с тем, что город в 1941–1943 гг. он дважды был захвачен немецкими войсками и дважды освобожден, а в промежутке как раз через него прошла линия фронта. В итоге город почти полностью был уничтожен артиллерийским огнем: не сохранились не только еврейские, но и – за редким исключением – какие бы то ни было постройки. Еврейское население города было уничтожено, почти никаких материальных напоминаний о нем тоже не осталось. Исключение составляет, пожалуй, только памятник на месте гетто и еврейское кладбище, с которого, по словам информантов, сразу по окончании войны значительная часть мацев была растащена на строительство и ремонт разрушенных домов.

«Еврейский текст» существует почти исключительно в городе, в деревнях точек соприкосновения с этническими соседями почти не было за исключением торговых контактов в том же Велиже. Однако несколько сюжетов всё же нашли отражение и в рассказах деревенских жителей. В первую очередь это сюжеты, связанные с «народной Библией». В регионах, где местное население не соседствовало с евреями, *жиды*, участвовавшие в событиях земной жизни Христа, – это малопонятные, а потому мифологизируемые *жидовики-некрещёники*, интерпретируемые не столько как реальный этнос, сколько *нечистая сила* (Мороз 2002: 242). Здесь же – напротив – осознается и рефлектируется тождество между «народнобиблейскими» персонажами – преследователями Христа – и бывшими соседями. Это служит причиной сближения событий евангельской истории

и недавнего военного прошлого, а также мотивирует попытку объяснить Холокост исходя из этой логики:

По-своему как-то они говорили, больше по-нашему они картавили. Как-то вот так, жида. Многа было, ой, а немцы ж как их убивали, ой, ой, ой. Эт... вот оттого, что жид выдал Бо... Христа Спасителя выдал, как он прятался, э... <...> да, ну так, мы ж не знаем, не видели. А, но знаю, что жид продал Бога. А немцы сильно верили это ў Бога, и оны их сильно уничтожали, особенно ў ўойну (АЛФ, зап. в д. Погорелье Велижского р-на Смоленской обл. от Н.М. Ефимовой, 1933 г.р.).

Еще одна тема, в связи с которой возникают воспоминания о евреях на селе, – это встречи с торговцами, скупавшими в деревнях старье и кости животных. Как обычно в таких случаях, приезжий еврей воспринимался как человек совершенно другой культуры и, следовательно, как чужой, что автоматически влекло за собой его характеристику как враждебного, нелепого или странного. В нашем случае чужой наделяется чертами чудака:

[А по деревням не ездили евреи, не торговали?] После войны. После войны, это и я помню. После войны, и я уже и замужем была. Бывало, из Велижа приезжает еврей. На кони, запрежена тележка, сзади... Ну, было, продаёт там какой-то материал, скупал, это самое... береть. На кости там... на яйцо... было к... чтоб ему... ну, кости, от... вот... животины, от животных. Костей связывал, тут у нас сушёные, вешали. Ну, тогда «ўвозьми брошку, ўвозьми уже сабе закоўку». И вот, он, было, предлагает уже... яйцо – дай яйцо. [То есть, он собирал кости?] Собирал, да... Да, да... кости. Ну, старье, лекарства, как... это такие... аир у нас... ну, на озёрах растёт такое растение, аир. Корни. И это, было, собирает. Ў мяшок, ў мяшок. Кожи какие... бывало, там овец кто-то режет... или яшшо что-нибудь. Ну, вот такое собирали. [А взамен не деньги давал?] А взамен только товар. Только товар. Там... брошки какие-то, ленты. Ну, что яшшо было? Заколки такие, было, материал был, куски. Материала како-то там. Это, два метра, три... «во, возьми себе на блузку, на кофту. Дай мне то, дай вот это». Вот так. Это я помню. Ну, небольшие они такие, <...> а откуда он был, з Велижа он был или ешшо откуда... Ти з Витебска... ў Витебске, говорят, тоже сильно было много евреев. Очень было, говорят, много евреев. Ну, я... так он поездил. Ну, года два-три, бывало, ездит и ездит. А где... а ночевать, бывало, в дом не пойдит ни к кому. Ни к кому. Сейчас коня приведь, к хвосту к этому привяжет. И тоже сам какую-то шманину положит это... и ложится. Ну, а другой раз за нашим так огородом... бывало, другой раз пойду, говорю: «Ну что вы тут замерзаете, идите в дом». – «Спасибо, я привык так. Мне так

лучше. У мене конь...» Я гърю: «Кому твой конь надо, Господи». Ну он же... ў деревне, ў колхозе коней же было тьма. И быкоў... это было. «Не-не-не, а то у вас и цыгане ездют». Я гърю: «Ездют и цыгане у нас». – «Во... Я... я посплю и опять поеду. Какая дальше деревня?» Я гърю: «Ну, там Кисяли». – «Ну во, я и поеду скоро. Я только передохну». Вот, так года два-три он был ездил (АЛФ, зап. в д. Погорелье Велижского р-на Смоленской обл. от Н.М. Елисеевой, 1939 г.р.).

Так же расценивается и поведение евреев при покупке кур. Стандартный сюжет о том, как еврейские женщины выбирали кур на базаре в Велиже, остается темой весьма ярких воспоминаний: они выходили навстречу деревенским жителям, везущим птицу на продажу, и выбирали кур, дуя им в перья:

Тады, верно, мы с мамашей... ну, что я, до войны... ну, какая там была... ў Велиж пошли. Дак ины, евреи, куры... курей глядят, тады раздувают [дует] перья, ти жирные... может, худая худ... и синяя [смеется]. [А где они перья раздувают?] Ну на спине, на спине. Тут раз... раздувают перья, разворачивают, раздувают. Глядят, ти упитанная курица [смеется]. [Это когда покупают?] Да, да, яны ж на мясо купляют себе. А мы носили продавать. А какая негожая, может, какая, закривляет там, то что... matka завяжет, деньги ж надо. Ку... крылья привяжет, ноги звяжет и понесём на базар (АЛФ, зап. в д. Будница Велижского р-на Смоленской обл. от А.М. Версиной, 1932 г.р.).

Остальные сюжеты, зафиксированные уже преимущественно в городе, также характеризуют евреев как особую категорию чудаков. При этом такая характеристика или выводится из традиционных для соседей-славян описаний еврейской жизни, или для нее используются изначально не связанные с евреями анекдотические сюжеты, однако в нашем случае содержащие указание на то, что действующее лицо – именно еврей. Единственный чужой обряд, описание которого нам удалось зафиксировать, это еврейские похороны. Основным принцип их описания – «перевод» на язык своего обряда и интерпретация отличий в терминах и понятиях, в которых описывается свой обряд. Неоднократно отмечалось, что при описании еврейских похорон славяне особо выделяют отсутствие гроба, заворачивание тела в ткань (что соответствует действительности) (Белова 2005: 189) и погребение сидя (эта деталь является в высшей степени устойчивой в рассказах о похоронах не только евреев, но и любых других иноконфессиональных или иноэтнических соседей: мусульман, цыган, старообрядцев и т.п.) (Белова 2005: 195 и сл.). В отношении

похоронного обряда нашими информантами выделяются такие признаки, как заматывание тела в полотно – при этом возникает сравнение с куклой – и бросание тела в могилу: не отмечается, что его туда сажают, но неоднократно повторяется, что его именно бросают, а не кладут: как тело упадет, так и лежит в могиле.

А у них это... вы же знаете, обряд какой у них? [Какой?] Еврейский? Как они хоронят? <...> А во, как они хоронят. Например, они не сами, они используют кого-то. Вот. Их этот священник, как он называется... ксёндз. Так, что он... Во-первых, у них гробоў нет, они без гробоў хоронят. У них катафалк есть. Катафалк на этом, на телеге. На таких, как говорят... понятно? Чёрный к... лаком всё это, дальше... крыша такая, всё украшено это всё, здесь крышка. Значит, умирает человек, его пеленают и делают из него куклу. Понятно? Такую... понятно? Куклу эту сажают в этот угол, как и положено, где иконы. И сидит там эта кукла. Понятно? Потом её выносят и в катафалк... туда засовывают. И везут на кладбище. На кладбище, может, кто копал могилы, но, обязательно, чтоб были не евреи... а русские. Берут эту куклу, вот, два человека со стороны головы, и два человека со стороны ног. Понятно? Ксёндз ведёт этот... нет, у них не ксёндз, это у полякоў ксёндз. Ах, как же у них это... ну, ладно, их священник. Ведёт молитву, и потом команду: «Бросайте». Они сразу – раз! Как кукла эта упала, её не тревожат (АЛФ, зап. в г. Велиж от А.Г. Бордюкова, 1928 г.р.).

Еще один мотив связан с поминовением и трауром. Евреи на похоронах радуются, что их покойника взяли на небеса:

Евреев хоронят совершенно другим... Как-то махают их там... в могилу в эту или... И к йим там не подходят, говорят, неделю целую. Как... как лягут, так всё. А потом прибегают там, вот, говорят, кричат... Это она... мама как рассказывала... Она немного была ў батрачках. Ё там, на... не доезжая города, на взвозе. И у ей была невестка, еврейка. Ну, вот она рассказывала, что... Прошла неделя, и нет. Я гърю: «Дак что у вас ўсё похороны неделю целую?» Она говорит: «Да, мы целую неделю хороним. Но мы не плачэм, мы радуемся, что его взяли». Вот так вот. «Но мы не плачэм». Вот это я слышала, такие рассказы. <...> А вот это, по рассказу, то, что вот рассказывала эта женщина матери моей. Что вот... Пошла – и нет ея. Вот. Говорит, целую неделю всё пропадает ина. Да, как один там: «Там небось сматное что-то ядут». Ну, там, как деревенщина. А ина говорит: «Какого чёрта они, гърят, веселятся на могилке?» Говорят, принесут там всякое еденье. Сидят, лопочут и веселятся. Рады, что, говорят, мол, вот... яго приняла земля (АЛФ, зап. в д. Погорелье Велижского р-на от Т.М. Елисеевой, 1939 г.р.).

Весьма странные, но вызывающие несомненное понимание рассказчика обычаи евреев связаны с брачными представлениями и темой долга. Собственно, речь идет не о свадебном обряде, а, скорее, о принципах выбора невесты, однако в приведенном ниже тексте обращает на себя внимание особый императивный характер этого обычая:

Втроём были они в разведке – два русских, и он [еврей] один. И за ним погнались немцы. И вот они ўскочили в крайний дом в этый, где они жили, вот... з мамой. И этый русский говорит: «Не, мы не будем, нас всё сразу побьют». Где-то ў ров... сунулись, там ў ров какой-то. Но всё равно, гърят, побили этых русских. А этый говорит: «Меня... спрячьте меня куда-нибудь». Ина гърит: «Ну, куда? Только ў печку». Ну, так и он говорит: «Ну, ў печку, так ў печку». Шманину каку-то схватиў, чугунами заставиўся, и только, говорит, что баба тут заслон, эту закрыла – и немцы ў хату. «Подавай, матка, где вот... еврей». Они говорят: «А ты откуда знаешь, что он еврей? Он, може, немец, откуда...» – «Подавай». – «А где это я подам? Ишши, – говорит, – хоть ў трубе». Ну тогда ины, гърит, искали там, где, только куды... под печками стреляли. Куды только можно, где... под полам и всюду. Ну, всё, п... поехали яны. В обшшем, не нашли оны яго. Вылез, гърит, у него всё пооблезло тут. Ну, ведь жарко в печи ж было, жарко. Ну, поизлечили, они яго там день-два, и он подался к своим, но большое сведение снёс. Ну а после войны он приехал в деревню, стал разыскивать, где эта семья. Ну, как семья, она была не замужем, эта Катерина Ивановна. И он сказал: «Нет, это у нас закон. Я должен свой закон сделать, закон. Я не должен человека того обидеть, который мне сделал добро. Хочешь ты за меня идти, не хочешь – это твоё дело. Но приедут мои – всё равно ты будешь увезена. Лучше по-доброму уходи». <...> Да, лучше по-доброму иди за меня, и всё. А иначе это будет всё равно... всё равно группой приедет, всё равно мы тебя увезём. Тогда только будет хуже для матери, мать знать не будет. А ты будешь... а так по-хорошему. Ну, так согласилась... [И его родня признала ее?] Да, да, да, да, да. Потому что... И он сказал, что... Она яму сме... ина ему жизнь спасла (АЛФ, зап. в д. Погорелье Велижского р-на от Т.М. Елисеевой, 1939 г.р.).

Строгость еврейских обычаев и обязательность их исполнения – важная тема в описании еврейской жизни и тоже способствует созданию и поддержанию образа еврея-чудака. Среди таких рассказов особо выделяется тема воспитания:

А... вот как у них процесс шёл... например, вот рождался в семье мальчик. Значит, его отправляли... давали ему рубль, и он должен был

гешефт делать. То есть... ну, может, среди своих товарищей там чем-то... что-то продавать. Если он возвращал назад этот рубль, а не рубль пятьдесят там... или сколько... значит, гешефтом он заниматься не может. Его в мастеровые... или к сапожнику, или к портному, или это... куда-то в другую мастерскую, столярную, и прочее, и так далее. Если и это не получалось, тогда так было: это мне рассказывал еврей. Тогда говорили: «Ой, жидюга, иди говно вози» (АЛФ, зап. в г. Велиж от А.Г. Бордюкова, 1928 г.р.).

Информант подчеркивал различие между *евреями* и *жидами*, существовавшее якобы не только среди славянского населения города, но и среди самих евреев: *еврей* – образованный, занимающийся престижным делом, *жид* – нищий, чернорабочий, малограмотный торговец тряпьем.

Остальные рассказы о евреях представляют собой бытовые зарисовки-анекдоты разной степени фольклоризованности и устойчивости, всегда рассказываемые с установкой на реальность событий и с отсылкой к конкретным именам и обстоятельствам. Так, известный анекдот про женщину, захотевшую посмотреть, как она будет выглядеть на собственных похоронах и пригласившую для этого фотографа⁴, становится в данном случае историей, произошедшей с евреем Ромкой:

Про евреев могу рассказать ещё один анекдот... это не анекдот, а реально было. Ромка был, ну, тут, наверно, ну, это после войны, Ромка, еврей, фотограф. Ну вот, а вот на этой же улице Советской, вот где шас [нрзб.] магазин, вот от музея сюда, в эту сторону, ближе, и там этот вот дом, двухэтажный там это всё. Там жили две сестры, ну... вековухи или как тут – не знаю. <...> Ну вот, и одна решила поглядеть, как она после смерти в гробу будет выглядеть. Всё, гроб, всё, это, всё как надо, уложили. Ну и... [смеется] Ромку [позвали] сфотографировать. Ромка без задней мысли, короче, эта покойница лежит – во всех ракурсах: и сбоку, и спереди, и там откуда надо, сзади, вот, и спросил три рубля. А... а у этой сестры, наверно, два рубля... а, то есть пятёрка и два рубля. Ему говорит: «У меня вот пятёрка», – у Ромка сдачи нету с пятёрки, а два рубля – это маловато. А эта – в гробу лежала, встаёт: «Возьми там у пальто в шкафу у меня рубль!» В ошшем, Ромка раму вынес вместе с фотоаппаратом, ему эт... больше ни рубля, ни тройки – ничего не надо. Встаёт: «Возьми у меня там рубль!» (АЛФ, зап. в г. Велиж от П.Т. Глуздова, 1954 г.р.).

Стандартные истории про местных чудаков / городских дурачков, отличавшихся большой физической силой и отчасти еще и потому

ведших себя не вполне адекватно, в Велиже тоже связываются с евреями и включают детали еврейской жизни:

Вот у нас был Лёва... у них имена... Соня-Бэла. Хай... Ханя... Хая-Миня. А мы, русские: Хайминя. Объединяем сразу... [Двойные имена?] Да. Сур-Лейб, понятно? А мы: Сурлейба. Понятно? Лёва Сурлейба был, вы знаете, что: вот... вот такие у него плечи были [показывает – широченные]. Он по этой... по... брусч... по каменке, по мостовой возил бочку пива двести литров. Три бидона вёз мороженого. На двухко... такой. Он без всякого усилия толкал это. Понятно? Бочку брал в охапку и ставил на прилавок. Вот. Ну он в каком плане, я не знаю, видимо, что-то тут у него... с головой было... это. А... он не любил, когда Сурлейба его назовёт, – когда Лёва! Значит. А когда Сурлейба – не любил. И если ты его назвал Сурлейбой, он ничего тебе не сделает, но тебя подкараулит возле кинотеатра, шапку твою раз – и на крышу, үа-үа-үа-үа! [изображает, как Лёва смеялся] – и пошёл. Доставай! [Смеется.] [То есть, его надо было на русский манер называть Лёвой?] Лёвой! Вот, вот... Лёва, Лёва. Значит, он был нервный.

Вот у нас Фейгала была. Вот не знаю, какое звали... Фейгала. Если её назовёшь: «Молодая девочка... – так она... – спой песню!» – «Кипучая, могучая страна непо...» – будет петь [изображает, как пела Фейгала]. «Старая баба!» – «Тьфу! Старый потаскун!» Понятно? Поэтому идёшь... Идёт Фейгала: «Молодая девочка, спой песенку», – она те и споёт.

Да. Лёва. <...> Так вот, закон был какой... всем нашили е... как, звёзды, говорят. У нас нашиты были вот такие круги жёлтые. Это опознавательный знак еврея, вот. На спине и здесь [на груди]... там и тут, вот. Дальше, если шёл немецкий солдат, уж не говоря об офицере, вот... то еврей должен был сойти с тротуара, стать на колени и голову преклонить. Лёва идёт от здания милиции сюда, к музею. Лёва идёт. Идёт яму навстречу офицер. Здесь, как в дом культуры туда идти, здесь пулемётный расчёт стоит, пулемётчики с офицером. Лёва идёт, а дорогу ж Лёва не уступит, такая махина идёт. Немецкий офицер ему – раз! – и пощёчину. Лёва как развернулся, как гакнул, так тот сразу без сознания. Лёву за грудки и во двор, это здание. Вот, которое перед музеем стоит. А в этом здании располагался немецкий комендант. Понятно? Ну, и там его решили расстрелять. Парабеллами, один патрон в стволе и восемь в магазине. Раз! Раз! Лёву два раза. А Лёва: үа-үа-үа-үа-үа [изображает, как Лёва смеялся]. Даже этот расстрельный, который расстреливал, даже опешил. Что он же стрелял ему в область сердца, а Лёва үа-үа-үа-үа. Пока не выпустил последний патрон, только тогда Лёва осел. Во, какой был физически сильный (АЛФ, зап. в г. Велиж от А.Г. Бордюкова, 1928 г.р.).

Традиционные, в представлении соседей, занятия евреев нашли отражение в анекдотических историях, задача которых охарактеризовать особенные, исключительные и даже отчасти сверхъестественные способности или черты евреев. Так, упоминается колбасник по фамилии Шмат:

Так э... свёкор говорил, вот евреи всё были. И был Шмат – колбасник. И как ты ни режь колбасу – всё равно будет фамилия Шмат. Да. Это точно. [Прямо на самой колбасе?] На самой колбасе. Как ни режь – всё равно был Шмат (АЛФ, зап. в г. Велиж от Г.Н., ок. 1940 г.р.).

Рассказчика при этом не смущает ни в какой мере не еврейская фамилия персонажа.

Наконец, в единственном тексте нам удалось найти упоминание о евреях как о людях, обладающих выдающимися магическими способностями. Такое отношение к этническому соседу тоже вполне типично. «Свои» колдуны обычно считаются менее сильными, чем «чужие», что порождает целую мифологию иноэтнического или иноконфессионального соседа-колдуна. Этим, например, объясняется такое распространенное явление, как посещение синагоги и/или раввина неевреями с целью получить магическое вспомоществование (Каспина, Амосова 2009). В наших материалах еврею приписывается особая сила проклятия:

Дедушка мне рассказывал, что... именно вот где-то в этом месте... в этом месте такое было, что... ведь это, у евреей самое это... ругательство страшное – это «будь ты проклят». Вот так, что вот где-то в этом месте кто-то: «Будь ты проклят!» И человека как не стало. Говорят, только из этого... из... слышно: «Будь ты проклят, будь ты проклят». Ну вот такие слухи бывали. [А про проклятье, только слышно «будь ты проклят» – откуда это слышно?] Да, да, да, вот такое... как звук оттуда какой-то шёл... [Это откуда?] Как из-под земли. [Это провалился кто? Тот, кто проклинал или кого проклинали?] Нет, кого проклинали. Того не стало. [Там дырка какая-то?] Это не могу сказать. Это как рассказано было (АЛФ, зап. в г. Велиж от А.Г. Бордюкова, 1928 г.р.).

Город, в котором евреи жили в большом количестве и который они покинули, едва ли мог остаться без историй о поиске еврейских кладов. Эти сюжеты появляются и в Велиже⁵:

[Не рассказывали, что вот тут жили евреи, и там клад нужно искать?] Ну, в принципе, я на Советской жил, там вот, где прокуратура, пацаном

когда был. Рядом, по соседству, значит, мужик жил, звали его Бирюк. А Бирюк звали, что он никогда, это, не женился. Вот. И у него на огороде откопали, значит, клад. Сундук, ковры набитые, серебро, ну, в смысле, столовое. Подсвешники, такое. И глубоко закапано, метра на два, наверно, было. [Т.е. кто-то специально прятал?] Книги какие-то. [Как же откопали, если он на два метра был? Специально искали?] Искали ребятки, искали ходили, со щупами (АЛФ, зап. в г. Велиж от Н.Р. Осиновца, 1947 г.р.).

Специфику «еврейского текста» Велижа можно охарактеризовать так: в рассказах местных жителей почти полностью отсутствует упоминание о еврейских праздниках, обрядах (за исключением похорон), о традиционных занятиях евреев, о кровавом навете и прочих связанных с евреями мифах. Вместе с тем заметная часть сюжетов, в которых евреи появляются в роли городских чудаков, не имеет прямого отношения к ним: в данном случае евреи играют роль, в которой может выступать кто угодно. Мы склонны объяснять эту ситуацию фактами истории города: в годы войны он был почти полностью разрушен, а население города перед второй сдачей его советскими войсками эвакуировано. По окончании войны население города сменилось радикально: евреи почти полностью были уничтожены, из старых горожан вернулись немногие, население города было в значительной степени сформировано жителями района. В итоге получилось так, что предвоенных жителей, которые соседствовали с евреями, в городе после войны осталось не так много и устойчивый набор сюжетов об этнических соседях оказался стертым из памяти. Вместе с тем более устойчивый набор сюжетов о городских чудаках, который составляет обязательный компонент любого «городского текста», оказался соотнесен с евреями – как «своими чужими», вполне годящимися для этой роли.

Примечания

¹ Велижское дело – одно из наиболее известных в России ложных обвинений евреев в ритуальном убийстве (возникло в 1823 г., завершилось в 1835 г.).

² Об интерпретации еврейских праздников и ритуалов см., например: Белова 2004.

³ Ср. и по сей день широкое бытование этого сюжета в западно-белорусском местечке Желудок Гродненской области (Белова 2013: 80).

⁴ См., например, <http://fotoekonom.narod.ru/index/0-4>.

⁵ Впрочем, в случае с Велижем, кажется, этот сюжет не получил большого распространения.

Литература и источники

- АЛФ – Архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета (Москва).
- Белова 2003 – *Белова О.В.* О «жидах» и «жидовской вере» в народных представлениях восточных славян // *Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга* / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2003. С. 160–175.
- Белова 2004 – *Белова О.В.* «Со своим уставом в чужой монастырь»: «наступательная» модель в этноконфессиональном диалоге // *Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции* / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2004. С. 119–136.
- Белова 2005 – *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Белова 2013 – *Белова О.* Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) // *Желудок: память о еврейском местечке* / Отв. ред. И. Копчёнова. М., 2013. С. 63–81.
- Каспина, Амосова 2009 – *Каспина М., Амосова С.* Парадокс межэтнических контактов: практика обращения неевреев в синагогу (по полевым материалам) // *Антропологический форум*. 2009. № 11 Online. С. 1–24 (http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011online/11_online_04_kaspina-amosova.pdf).
- Мороз 2002 – *Мороз А.Б.* «Жидовики-некрещеники...» Евангельские события и евреи в восприятии современного севернорусского крестьянина // *Между двумя мирами: представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции* / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2002. С. 235–262.

Статья написана в рамках работы над проектом «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» (РГНФ–БРФФИ 13-24-01003)